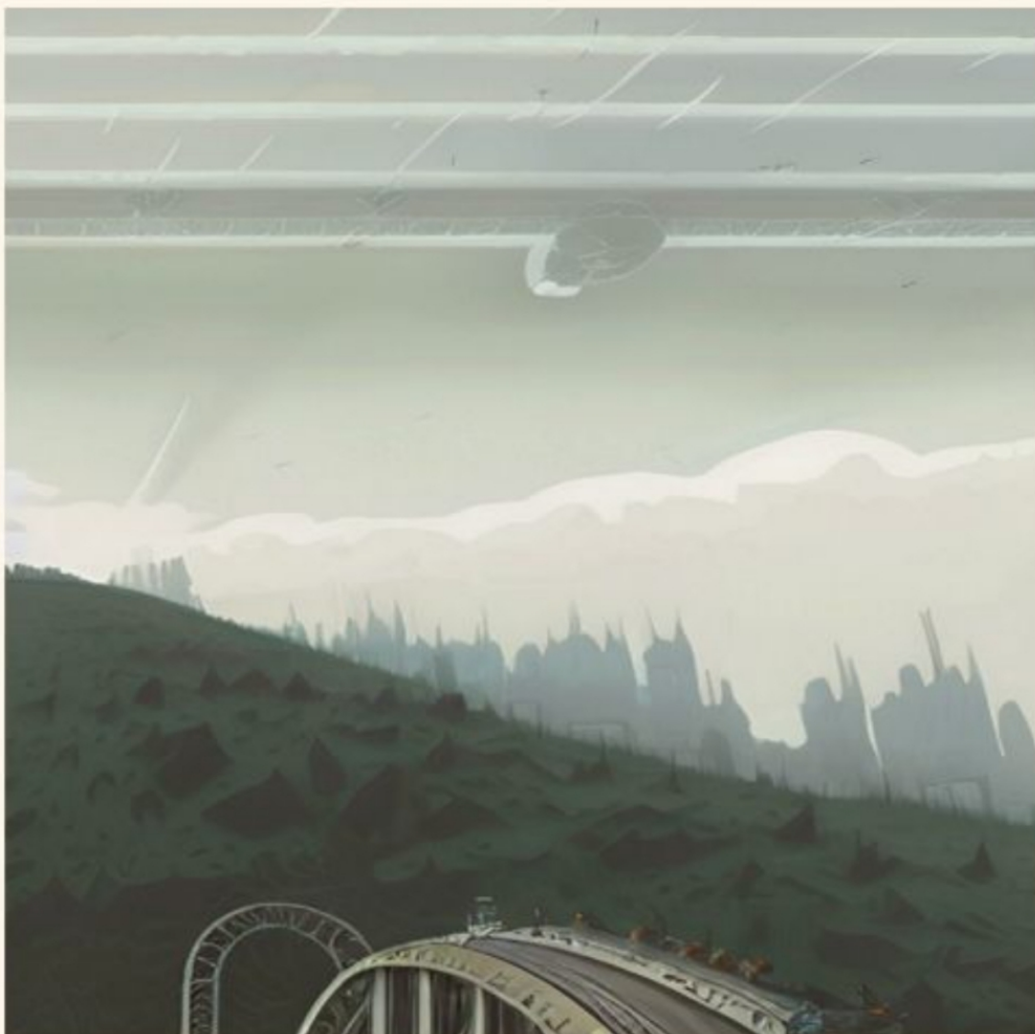

Василий Щепетнев

Лис на псарне

12+

Василий Щепетнев

Лис на псарне

«Автор»

2022

Щепетнев В. П.

Лис на псарне / В. П. Щепетнев — «Автор», 2022

Наше время. Наша страна. Наши олигархи гибнут один за другим. Удар молнии, акула, тяжелая болезнь... Оно бы и ничего, но гибнут они строго по расписанию. Что тому причиной - обстоятельства, случай, стихия - или умысел?

© Щепетнев В. П., 2022

© Автор, 2022

Содержание

1	5
2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Василий Щепетнев

Лис на псарне

1

Вагон был собственностью господина Романова. Как и поезд. Да и железнодорожная дорога тоже была собственностью господина Романова, пусть и с формальными оговорками. Чему удивляться: в газетах пишут, что и Край некоторым образом есть собственность господина Романова. А Край – из тех, что меряют во Франциях, Швейцариях и Голландиях. Так и пишут – мол, на территории Края уместятся Франция, Швейцария, Голландия, и еще останется место для пары-тройки Лихтенштейнов.

Но ни одновременно, ни порознь Швейцария сотоварищи сюда не торопятся. Им и в Европе хорошо.

Вместо Швейцарии еду я. В чужом личном вагоне чужого личного поезда.

Сначала-то я летел самолетом. Потом поездом Российских Железных Дорог, хоть и фирменном, но плохоньком. Потом по реке на пароходе. Река большая, пароход старый, я голодный: буфет на пароходе был, но доверия не внушал. Пароход добежал до пристани Крайней – последней на реке. Выше был только Замок, но путь к нему преграждали пороги. Поэтому и была проложена железная дорога – не сейчас, конечно, а в незапамятные времена.

Вагон был особый. Не плацкартный, не купейный, не спальный. Вагон-салон с диванами, креслами и столами. Трофейный. С той самой Войны. Никакой пластмассы, всё естественное. Натуральное дерево – красное. Натуральная кожа. Поискать, то и свастику найти можно.

Стюард предложил подкрепиться, и я сейчас пью натуральный «Боржом» (знатоки оценят) и кушаю бутерброды с натуральным сливочным маслом и осетровой икрой. Именно кушаю, а не ем: деликатно, откусывая маленькие кусочки. Два небольших бутерброда по триста калорий каждый. Сегодня я могу себе позволить шестьсот калорий жиров и холестерина. Я этого достоин.

Поезд вполз в тоннель, и тут же плавно, как в кинотеатре, загорелись плафоны. Тоннель, верно, тоже принадлежал господину Романову, подумал я, дожевывая последний кусочек бутерброда.

Тут же вошел стюард, спросил, не желаю ли я чего-нибудь еще.

Я, конечно, желал – но отказался. Не из-за гордости бедных, а исключительно ради самохранения. Это как лавина, стоит только начать, через месяц плюс три килограмма, через год – плюс тридцать три. А через пять лет? Таков удел спортсмена: организм привык много трудиться и, соответственно, возмещать затраты белками, жирами и углеводами в объёмах много больших, нежели у менеджера или даже брокера. Уйдя из Большого Спорта, расстаешься с самыми разными привычками, но тяга к дополнительным калориям остаётся надолго. Выбираешь из трёх: либо больше двигаешься, либо меньше ешь, либо состязаешься со свиньей – кто быстрее наберет вес. Обычно находится компромисс между возможностями, этакий триумвират, но среди трёх равных кто-то всегда равнее других. В моём случае – жесткое до жестокости самоограничение. Не даром я родился под знаком Весов. Каждый грамм взвешивается, каждая калория учитывается.

Поезд выбрался из тоннеля, и я опять стал глядеть в окно. Туман, как в Оберхофе. И пейзаж похожий, даром, что Сибирь. Слева – хвойный лес. А справа – скалы.

Поезд не спешил. Путь извилистый, крутой. Пятьдесят километров расстояния равнялись трем часам времени. Иных пассажиров, кроме меня, не было. Зато был груз, размещённый в двух товарных вагонах. Груз, как и я, прибыл по реке – и тоже направлялся в Замок.

В Москве я ставил ударение на второй слог. В Сибири есть разные станции – Ерофей Павлович, Зима, та же Крайняя, почему бы и ЗамкУ местечка не найтись.

Но на пароходе я услышала – ЗАмок. Что ж, действительно, богатство способствует подобным превращениям. А господин Романов был богат, очень богат. Во всяком случае, так утверждал журнал «Форбс», поместив его в список ста богатейших людей планеты. Не в начало списка, правда, но и не в конец. В серединку. Не может же такой человек жить в каком-нибудь замкЕ.

Паровоз пыхтел, поднимаясь в гору. Пахло дымом, углем – но не сильно: вагон был сделан на совесть, никаких щелей и пробоин. А вот в поезде Российских Железных Дорог немилосердно дуло отовсюду, и я беспокоился, как бы чего не вышло – в смысле болезней. Вопреки расхожим мифам о пользе спорта, спортсмены болеют не реже, а чаще людей, от спорта далеких. Большие достижения требуют большого напряжения, где напряжение, случается тонкость, а где тонко, там и рвётся.

Полно, полно, какие большие достижения? Я теперь не спортсмен, я – спортивный гувернёр и еду не сражаться за медали, а тренировать дочку господина Романова, причем не для состязаний тренировать, а ради бодрости, грации и пластики. Общефизическая подготовка. Физкультура, в отличие от Спорта Высоких Достижений, безусловно, полезна. Вот и пригласил господин Романов тренером дочку меня, олимпийского чемпиона с дипломом института физкультуры имени Лесгафта и тренерскими сертификатами Германии, Финляндии и Польши. Пригласил – это ради политкорректности словцо, проще сказать – нанял. Что ж, наёмники – люди как все, только им ещё и платят.

Поезд вышел из тумана, оставив его не позади – внизу. Я поднял глаза и увидел Замок. Настоящий замок – с высокими стенами, башнями и донжоном. В Германии, Франции или Чехии подобные замки встречаются сплошь и рядом, но здесь, далеко к востоку от Урала? Ни тамплиеров, ни ливонцев с тевтонцами в Сибири никогда не было.

Или были?

Серые стены высились над туманом, как Фата-Моргана. Может, это она и есть?

Путь пошёл под уклон, туман вновь матово застил окна, Замок скрылся.

Теперь я точно знал, куда ставить ударение.

Стюарт вновь осведомился, не угодно ли мне чего-нибудь: кофе, чая, коньяка или вина, до прибытия четверть часа.

Проверяет на крепость.

Я поблагодарил – и отказался. «Бойся данайцев, дары приносящих, в обмен захотят они больше».

Четверть часа, пятнадцать минут – два обычных круга, если без стрельбы.

Но её, стрельбы, и не ждали. Откуда здесь стрельба? Не Дикий Запад, где воинственные индейцы нападали на поезда, а мирные путники отстреливались кто во что горазд. Край обширен, но людьми небогат, из полутора миллионов две трети живут в областном, то есть в краевом центре, четверть – в уездных городках, сиречь районных центрах, и лишь одна двенадцатая (пример на простые дроби) заселила остальное, располагаясь всё больше на реке или при железной дороге. Других дорог было мало до слёз. До слёз – потому что и на тех, что были, люди гибли с незавидной частотой. Сам губернатор, который третий месяц был то ли жив, то ли мёртв (во всяком случае, в политическом смысле), умудрился не вписаться в поворот и врезаться в вековое дерево, что стояло в восьми метрах от «губернаторского шоссе», местного национального проекта. Шоссе соединяло краевой центр с пригородным элитным посёлком. Жить в столице Края, рядом с крупнейшим в мире Комбинатом Редкоземельных Металлов – удовольствие небольшое, вот элита и переселилась в образцовый таёжный городок в полусотне вёрст от административного центра, а губернатор, на казённые, понятно, деньги провел

к городку шестиполосное шоссе, по которому только и могли с шиком ездить Майбахи, Бентли и прочие мерседесы. Такой вот национальный проект получился.

Всё это я прочитал здесь, в салон-вагоне, в сегодняшней газете. Не совсем местной, газету выпускали в Москве, а здесь, в краевом выпуске, добавляли своих специй. Прочитал вместо того, чтобы съесть третий бутерброд с балычком осетрины. Отбил желание.

Поезд начал тормозить – неспешно, величаво, как английские дворецкие в костюмированном фильме.

Замок проступал сквозь туман, как будущее российской государственности – неясно, но внушительно.

Но до самих стен не добрались – поезд остановился. Я встал, и опять подоспел стюард:
– Ваш багаж доставят, не беспокойтесь.

Доставят? Но куда? Я всё-таки беспокоился. Ну, как пропадет, что делать? Одежда и всё прочее... В Оберхофе и то поди, купи, что нужно, а уж здесь...

Я хотел сказать, что и сам отнесу багаж куда нужно, но стюард исчез.

Вместо него в салон вошёл благообразный господин совершенно европейского вида. Знаете, европейцы отличаются не одеждой (костюм на господине был консервативный, не дороже восьми сотен евро, или даже пяти, столько и стоят приличные костюмы для трудовых миллионеров), даже не зубами. Они двигаются иначе. Наш человек, хоть депутат, хоть профессор, хоть работяга, идёт так, будто в любую секунду его могут толкнуть, ударить, а то и убить. Напряжённно идет. А европеец идет свободно. Не развязно, а уверенно. Почему – не знаю. Судя по истории, и толкали, и убивали в Европе предостаточно. А, вот ещё: у нашего выражение лица говорит, что его и унижить, и ударить имеют право, жаловаться некому. А у европейца такого выражения нет. И у этого господина тоже не было.

Эти мысли пронеслись в голове быстрее, чем господин сделал положенные шаги от входа до кресла, в котором я сидел. И я думал быстро, и господин двигался неторопливо. Да и трудно ему торопиться, он прихрамывал. Несильно, но специалисту заметно. А я специалист как раз по движению человеческого тела во времени и пространстве. Похоже, у господина протез левой ноги. Отличный протез, но всё ж кинематику меняет.

– Позвольте представиться: Шувалов Афанасий Михайлович, управляющий. Вас я, разумеется, знаю, вы – наш новый эксперт, Иван Фёдорович Фокс.

Я наклонил голову, соглашаясь. Иван Фокс, он самый. Но почему эксперт?

Я не спросил, но Афанасий Федорович сам объяснил:

– В замковой табели о рангах вы означены, как эксперт в области физического воспитания.

– Табели о рангах? – не удержался я.

– Это звучит лучше, нежели платежная ведомость, так нам, по крайней мере, кажется.

Позвольте проводить вас и обсудить наши порядки-распорядки.

Проводить, так проводить. Хотя если порядки-распорядки, то годится и проводить-препроводить-сопроводить-выпроводить.

Впрочем, выпроваживать меня даже глупо – и не за что, и незачем, я ещё и аванса не отработал. С чего такая мысль вообще пришла мне в голову?

А просто пришла, и всё. Брела мимо, дай, думает, зайду. И зашла. Ко мне часто глупые мысли заходят. Просто потому, видно, что их, глупых мыслей, куда больше, чем мыслей умных.

Мы вышли на перрон. Перрон словно из немецкого городка, патриархального, тихого, куда не добрались новые немцы, сиречь албанцы, банту и магрибы. Не две тысячи тринадцатого года городок, а тысяча девятьсот тринадцатого. Чистый, каменный, повсюду клумбы. Всё очень аккуратно, ни плевков, ни семечек-орешков, ни жевательной резинки.

И вокзал тоже очень уютный снаружи. А какой внутри, я не посмотрел – мы обогнули здание и подошли к автомобилю.

У автомобиля стоял водитель – в сером френче, серых же галифе, серых высоких ботинках, а на голове – серая фуражка с гербом: кадыкский медведь на задних лапах. Ничего удивительного, это герб Комбината Редкоземельных Металлов. Удивительно другое – водитель быстро, но не суетливо открыл обе задние двери.

– Садитесь, пожалуйста, – предложил управляющий.

Я сел. До Замка было метров пятьсот, отчего ж не проехаться в автомобиле – длинном, роскошном автомобиле тридцатых годов с открытым верхом.

Водитель вернулся на свое место, и автомобиль плавно тронулся. Мотор был на удивление тихим.

– Электрический, – пояснил управляющий. – Ездить особенно далеко не приходится, аккумуляторов хватает. И природа не страдает.

Он, наверное, любит читать лекции о технике. Или просто вежлив.

– Замок, – продолжил он – говоря языком сегодняшних газет, нововел. Но, на мой взгляд, он и тысячу лет назад был бы здесь к месту. Иногда мне кажется, что он тысячу лет и стоит.

– А на самом деле? – спросил я.

– Его начали строить в декабре сорок шестого года, а завершили в мае сорок восьмого. Одна тысяча девятьсот сорок восьмого. Строили немцы, военнопленные. Не одни, конечно. Японцы тоже потрудились, китайцы, да и на русском поту немало тут замешано. Генерал Козленко хотел, чтобы замок был не хуже немецких, и своего добился. Это он умел – добиваться своего.

– Генерал Козленко? А кто это?

– О, история – барышня с причудами: одних возвышает не по заслугам, других не по заслугам прячет. Сталин не боялся никого, кроме Берии, а Берия боялся Козленко. Таким уж человеком был генерал. О Замке многое можно рассказать, я и расскажу – постепенно, не спеша. Рассказ от спешки многое теряет, – машина ехала гладко, и управляющий говорил гладко, чувствовалось – привык разговаривать. Возможно, лекции читал. Профессор. А что? Почему бы профессору и не стать управляющим Замка?

Перед Замком было несколько строений. Сухой, казенный оборот, так ведь и строения были такими же – казённые параллелепипеды. Видно было, что проектировали и строили их другие люди. Не немцы. И в другое время, поближе к двадцать первому веку. А чуть дальше, на возвышенности, стояли огромные ветряки-генераторы, числом три. Лопастей их вращались почти бесшумно: и ветер слабый, и конструкция современная.

Как и положено, перед стенами Замка был ров – сухой, без воды, метров пяти глубиной. На дне что-то белело. Человеческие кости?

– Это имитация, – успокоил управляющий. – Настоящие кости тоже были, но их убрали еще в шестидесятые.

Автомобиль проехал по мосту надо рвом, миновал раскрытые ворота, и мы оказались под защитой стен.

Да... Вблизи Замок впечатлял не менее, чем издали.

Но вникнуть в архитектурные детали я не успел: автомобиль остановился у входа в донжон.

Собственно, вход располагался выше земли, и хорошо выше, метра на два, и потому велик ему ступени.

Управляющий поднялся по ступеням легко. Держит себя в форме. Тоже европейская черта.

Холл – высокий, просторный и прохладный. Это сейчас, летом. А зимой?

Обстановка – как в музее. Рыцарские доспехи, мечи, щиты, ветхие гобелены...

– Передаю вас Элеоноре Николаевне, нашей кастелянше, она распорядится вами, – сказал управляющий. – Уверен, вскоре мы увидимся.

Сказал – и ускользнул в боковую галерею, – направо.

– Пройдемте, сударь, – позвала кастелянша. Властность чувствовалась во всем: и в лице, и в одежде, и в манерах. Одета просто – в чёрное платье. Из украшений – одно лишь кольцо с бриллиантом на безымянном пальце левой руки. Бриллиант немаленький, с горошину. Хотя, конечно, это мог быть и кубический цирконий, фианит, но – мог, да не мог. Не та аура у Элеоноры Николаевны – фианиты носить.

Судя по всему, она была кастеляншей средневекового разлива. Замок – не гостиница, не общежитие, где кастелянши заведуют бельём. Нет, здесь она заведует всем бытовым устройством Замка, женский род слова «кастелан». А управляющий? Чем он управляет?

Тем, что осталось.

Элеонора Николаевна оказывала мне честь. Вроде почетного эскорта.

– Эксперты живут в левом крыле бельэтажа, – говорила она, будучи уверенной, что я не пропущу ни одного слова, – и ваш покой располагается там же. Обедают все в Большой Столовой в девятнадцать часов, в остальное же время – по своему усмотрению, в той же столовой, в личном покое, в клубе. Клуб для экспертов находится в конце галереи, в Башне Бартини. Разумеется, стол предоставляет замок.

Последнюю фразу я не сразу понял. Что значит предоставляет? И почему предоставляет Замок? Ах, верно, еда за счет заведения, вот что это значит.

Если снаружи и в холле Замок подражал средневековью, то здесь – гостиницам Советского Союза конца пятидесятих годов прошлого века. Не простых гостиниц, а для высшего командного состава. Для генералов, не ниже. Стены покрыты светлыми деревянными панелями, на полу настелены ковровые дорожки легкой потертости, кругом картины, изображающий мирный труд советских колхозников двадцатого века.

– Вот ваш покой – Элеонора Николаевна открыла незапертую дверь.

На двери сходство с генеральской гостиницей и кончилось. Была она, дверь, дубовой, шесть сантиметров толщины и пригнана идеально, ни щёлочки, хотя уплотнители и обивка со внутренней стороны – старая добрая свиная кожа – добавляли приватности.

– Этим колокольчиком вы всегда можете позвать своего денщика.

– Денщика?

– Именно, – Элеонора Николаевна подняла со столика небольшой изящный звонок и позвонила. Звон не лишен приятности, но негромкий, однако ж через две минуты в комнату вошёл человек немолодой, но явно ловкий. Та же серая форма, как и у шофера, только вместо фуражки – пилотка.

– Петр Сергеевич, вот твой новый подопечный, господин Фокс Иван Федорович.

– Можно просто Иван, – хотел сказать я, но не сказал. Атмосфера Замка, видно, начала действовать. Или гипнотический взгляд Элеоноры Николаевны.

– Если вдруг возникнут вопросы – или проблемы, с которыми Петр Сергеевич вдруг не справится, вы всегда можете обратиться ко мне, через него или по телефону – Элеонора Николаевна показала на аппарат у столика. Хороший аппарат, только без диска. – Номеров никаких не требуется, у нас девушки на коммутаторе. Скажете, что я вам нужна, и нас тут же соединят.

– Когда я увижу Викторию Романов? – задал я главный вопрос.

– Сейчас четырнадцать пятнадцать. Ваши занятия планируются проводить в девять и в семнадцать часов. Сегодняшний день, очевидно, выпадает. Но если вам нужно предварительно увидеться с Викторией, это можно будет сделать после обеда.

– А когда начнется обед? Ах да, в девятнадцать часов.

– В девятнадцать часов ровно, – подтвердила Элеонора Николаевна.

– Сегодняшний день не выпадает. Я буду готов к семнадцати часам.

– Отлично, – в голосе Элеоноры Николаевны я услышала одобрение. Правильно, раз получаешь деньги, изволь отрабатывать. – Тогда в шестнадцать часов вам нужно будет встретиться с врачом Викторией, а в шестнадцать тридцать с Иваном Ивановичем, ответственным за физподготовку сотрудников Замка. Он покажет вам тренажёрный зал, и вы сможете обсудить практические вопросы: что требуется заказать из оборудования и остальное в том же роде.

– Очень хорошо, – ответил я. Действительно, вопрос «с остальным в том же духе» меня интересовал всерьёз.

– Не смею вас отвлекать, – попрощалась со мной Элеонора Николаевна.

И я остался с денщиком наедине.

Нельзя сказать, чтобы я, будучи майором, не был знаком с армейским сервисом. Впечатления не самые светлые. Рабочие впечатления. Быть может, потому что я майор, а не генерал-майор. Для майоров, даже таких как я, армия не принаряжается. Впрочем, соревнования часто проводились за рубежом. Да почти всегда – за рубежом. И там приходилось жить в гостиницах «три звездочки» – помните «Карнавальную Ночь»? Ещё лучше четыре звездочки, и совсем хорошо – пять, но федерация нас не баловала, и за три звездочки спасибо нашему тренеру, выбивавшему деньги у скупых рыцарей, специалистов по закулисным интригам и подковёрной борьбе. К нашим услугам были разные сервисные службы. Но мы в наш доолигарховский период, старались всё делать сами: и костюм заштопать, и бельишко постирать, и салат в цветочной вазе приготовить...

Однако в чужой Замок со своим уставом не суйся.

– Итак, Петр Сергеевич (денщик был лет на пятнадцать старше меня, а звания его я не знал), начнем с багажа. Когда, думаете, его доставят?

– Уже доставили, господин Фокс. В соседней комнате.

Мы прошли в соседнюю комнату. Действительно, вот они, мои чемоданы. Раньше меня прибыли, получается.

Разобрали мы их быстро – вернее, разбирал Петр Сергеевич, а я принимал ванну, которую опять-таки приготовил денщик.

После ванны оделся в тренировочный костюм. Петр Сергеевич же часть одежды (то, в чем я добирался), взял в стирку, а часть – в чистку («у нас внизу прачечная и химчистка»), после чего покинул меня.

– Если что, только в колокольчик позвоните.

Я прислушался. Покой оправдывал свое название. Тишина полная. Да и как ему не быть, покою – между комнатами стенка каменная, аршинная. А между отсеками? Наружная стена, между прочим, метра два толщиной, даже больше. Окна узкие, профильные зеркальные стеклопакеты. Не удивлюсь, если стекло особенное, во всяком случае, в критических местах. Воздух чистый, свежий, в меру сухой, а каким же ему быть при панели климатического контроля. Стены обшиты не светлым деревом, как на галерее, а темным дубом. Несколько картин – восемнадцатый и девятнадцатый век. Похоже, подлинники – таких картин в запасниках даже губернских музеев сотни, а уж в столицах...

Я посмотрел на колокольчик. С виду никакой электроники, но ведь иначе и быть не может. Следовательно, электроника либо сверхминиатюрная, простому человеку незаметная, либо она, электроника, не в колокольчиках. Панели чем хороши? За ними что угодно спрятать можно.

Подумав, я решил, что электроника для вызова денщика все-таки в колокольчике. Обыкновенный дистанционный звонок. Ну, а за панелями – то отдельно.

Я сел перед зеркалом. Хорошее зеркало, венецианское. А морда из него выглядывает наша, саратовская. Впрочем, вполне приемлемая морда. Я даже два года рекламировал антиперспиранты, для спортсмена вещь сомнительную. То есть ими можно пользоваться, но только после тренировки. Пот в три ручья – естественная реакция организма, способ избавиться от

тепловой энергии, выделяемой при работе. Если она, тепловая энергия, не уйдет с потом – случится перегрев, даже тепловой удар. Поэтому тренировочные костюмы должны впитывать в себя пот со стороны человека и отдавать его наружу. Со стороны некрасиво – потная девушка, или, вот как я, мужчина в полном расцвете сил, но я-то не со стороны, я внутри. Сейчас, правда, появились костюмы, которые, пропуская пот, его же и маскируют – но это для выступлений, которые телевидение показывает на весь мир. Чтобы нами любовались и восхищались. Нами – и тем товаром, который мы рекламируем.

Впрочем, большей частью не мы, а федерация, для которой спортсмен всего лишь говорящая рекламная площадь. Ладно, проехали. Главное то, что на тренировках нужно носить честный хлопок. Он не обманет, всю правду покажет, тренировался ты, или так, погулять вышел.

Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять...

Только я не зайчик. Я – лис.

2

Встреча с доктором прошла в деловой атмосфере – могли бы сказать в телевизионных новостях. Но не скажут. Не потому, что есть новости поинтереснее, отнюдь, нет таких новостей. Просто не знают на телевидении, о чем говорил я, Иван Федорович Фокс и врач, доктор медицинских наук Людмила Ивановна Родникова.

А говорили мы о девочке, Виктории Алексеевне Романовой.

Кое-что я уже знал – меня об этом предупредил сам Алексей Романов во время десятиминутной аудиенции. Десять минут – это почти губернаторский уровень, между прочим. Тогда он сказал, что у девочки серьезное заболевание, правда, в зачаточном состоянии. И я, ежели соглашусь работать с Викторией, должен буду помнить об этом каждую минуту работы и моментально забыть, как только работа завершится.

Я согласился, и вот теперь Людмила Ивановна рассказала мне то, что я должен был знать и учитывать, планируя занятия с девочкой.

Итак, у Виктории был СПИД. На самом деле еще не СПИД, а ВИЧ-инфекция. Разница в числе вирусов. В начале процесса, который и зовется ВИЧ-инфекцией, вирусы в организме есть, но их немного. Они, вирусы, сидят в клетках, точно глубоко законспирированные шпионы-резиденты, размножаются едва-едва, то есть медленно, один появится, другой исчезнет, и на здоровье эти малочисленные вирусы практически не влияют. Если человеку невдомек о болезни, он живет себе и радуется. А потом, через полгода, через год или даже через десять лет этот резидент словно получает команду действовать. Словно – потому что никто точно не знает, в чём она заключается, команда. Вирусы принимаются бурно размножаться, разрушая белые кровяные тельца, лимфоциты, что ведет за собой падение иммунитета, а попросту непрерывную череду болезней: герпес, пневмонии, абсцессы, туберкулез, опухоли... Много их, болезней. И от какой-нибудь болезни в итоге наступает смерть. Но у Виктории, повторила Людмила Ивановна, только начало процесса. Сколько продлится эта стадия, неизвестно. Чем дольше, тем лучше, поскольку постоянно создаются новые медикаменты. Прогресс очевиден, существующие лекарства действуют куда эффективнее тех, что были десять лет назад. Лекарства тормозят размножение, хорошо тормозят, и если раньше человек рассыпался за полгода, теперь половина больных – не с ВИЧ-инфекцией, а уже с полноценным СПИДом – живут год, два, пять лет и более. Как было уже сказано, неизвестно, когда и почему ВИЧ-инфекция переходит в СПИД, но не исключено, что под влиянием болезней и перегрузок. Поэтому заниматься с Викторией я могу только будучи лично свободным от насморков и простуд, чтобы не заразить девочку – отсутствие иных болезней Людмила Ивановна проверила по моей медицинской карточке. Если я почувствую малейшее недомогание, температура повысится или ещё что, то немедленно, в любое время суток, обращаюсь к врачу, то есть к самой Людмиле Ивановне. Кроме того, каждое утро я обязан проходить медосмотр у Людмилы Ивановны. Что же касается девочки, то никаких перегрузок организм девочки испытывать не должен. Ходьба, медленный бег, и то лишь после предварительной подготовки. В общем, никаких занятий до седьмого пота. До первого – и довольно. Физкультуре да, спорту на износ – категорическое нет. Ваша задача не чемпионку из неё делать. Главное, чтобы девочка чувствовала, что она живет здоровой, полноценной жизнью. И ещё: с девочкой о болезни лучше не говорить, но если уж придётся, то быть сдержанным. Никакого весёлого бодрячества. Спокойно и уверенно утверждать, что шансы на долгую жизнь велики, не уточняя, насколько велики, поскольку в этом вы не специалист. Говорить вы будете правду, особенно с точки зрения девочки, которой сейчас семнадцать лет кажутся солидным возрастом, а тридцать – старостью.

И последнее. Откуда у Виктории ВИЧ-инфекция. Поскольку я всё равно буду этим интересоваться, то, во избежание домыслов, которые зачастую страшнее истины, мне следует знать:

и отец, и мать девочки были совершенно здоровы. Заражение, вероятно, произошло в больнице, куда после автомобильной аварии экстренно доставили Викторию. Это случилось почти два года назад, тогда в аварии, прямо на месте, погибла мать Виктории, Ирина Сергеевна Сольбо. Спустя три месяца после происшествия в крови у девочки обнаружили вирус иммунодефицита человека. Болезнь Виктории удалось сохранить в тайне. Алексей Александрович весьма сдержан, не любит распространяться о семейных делах и ждет того же от всех сотрудников. Люди Алексея Александровича проверили больницу, и пришли к выводу, что заражение случилось именно там. Об этом с девочкой разговаривать не нужно вообще. И теперь уже самое на сегодня последнее: девочке скоро четырнадцать, возраст особенно увлекающийся, вы, Иван Федорович, её кумир, так что помните об этом помните и блюдите себя особенно строго. Так и сказала: «блюдите себя».

После введения информации (никакого душевного разговора, именно введение, явное и недвусмысленное, как инъекция магнезии в ягодицу) Людмила Ивановна измерила мне температуру, понятно, бесконтактным ИК-датчиком, проверила давление, осмотрела горло, взяла мазок с миндалин и сказала, что сегодня занятия я проводить могу.

Иван Иванович Шуйский отвечал не только и не сколько за физподготовку, это эффе-мизм. На самом деле он был начальником охраны Замка. Все мои пожелания, которые я высказал ещё в Москве при найме на работу, исполнены, обрадовал он меня. Тренажёры получены, расставлены в надлежащих местах и уже опробованы охраной Замка. Во время тренировок за стенами Замка нас всегда будут сопровождать два телохранителя – на всякий случай. Хотя посторонних людей в окрестностях Замка быть не должно в принципе: добраться сюда можно либо по железной дороге, которая контролируется, либо по воздуху, но воздушное пространство тоже контролируется, либо уж пешком с пристани или поселка (пристань – Крайняя, а поселок, понятно, Крайний) через горный хребет. Этот путь тоже контролируется. То есть чужой человек – потенциальная опасность. Проблема свой-чужой решается просто: я получу часы, которые всегда должны быть со мной. Часы на браслете, в браслет вмонтирован микрочип. Он контролирует мое передвижение в пространстве. Такие часы носят все обитатели Замка, это закон. Если нам встретится чужой, без чипа, решение принимают телохранители. Мне лишь следует увести Викторию Алексеевну с линии огня – предполагаемого огня, конечно, поскольку не факт, что чужой непременно враг, а встреча закончится столкновением. В оружейной вы можете получить заказанное с восьми до восемнадцати. Пропуск – те же часы-браслет.

Иван Иванович тут же и одарил меня этими часами. С виду обыкновенные, «Командирские». А куда деть свои, верный «Polar»? А никуда. Оставлю их на левой руке, а новые – на правой.

Так и поступил. У новых часов браслет пластиковый, камуфляжной окраски, широкий, но удобный, нигде не жмет, не давит, через пять минут становится вообще нечувствительным. Главное, снять их нельзя. То есть ножом острым, особой стали, разрезать, пожалуй и можно, а без серъёзного инструмента никак.

Иван Иванович провел меня в оружейную, затем в тир на коротенькую пристрелку, после чего сначала на трехмерном плане, а потом со стен Замка и воочию показал тренировочные маршруты номер первый, второй и третий, и к семнадцати ноль-ноль довел до дверей апартаментов Виктории Алексеевны Романовой.

Находились они в Северной Башне, наверху, на высоте двадцати пяти метров. По городским меркам – девятый этаж, и понятно, что поднимались мы не по лестнице (была там и лестница, спиралью вьющаяся вдоль стены), – а на лифте. Лифт шел очень тихо, после начального толчка и не понять было, двигаемся мы, нет. Возносимся. Перед лифтом внизу стоял охранник, кобура с револьвером на бедре, как у киношного ковбоя. В этом есть смысл: изготовить револьвер к стрельбе из такой позиции можно быстрее, нежели со стандартной армейской.

Однако, сторжко здесь.

Апартаменты представляли две комнаты, одна над другой. Нижняя – гостиная, верхняя – спальня. Обычные детские комнаты богатых людей, только расположены в башне Замка. Все это Иван Иванович рассказал мне, пока мы шли по галерее. В лифте он молчал – то ли от почтения, то ли от задумчивости, а, может, ему просто не о чем было говорить.

У дверей апартаментов я приготовился увидеть еще одного охранника, но нет, никого не было. Иван Иванович нажал на кнопку звонка. Через минуту открылась дверь, и выглянула женщина лет двадцати пяти – гувернантка Виктории.

– Девочка вас ждет, – сказала она и провела внутрь. Сказала, между прочим, по-английски. Почему бы и нет? Почему бы мисс Эвелин, натуральной англичанке, и не говорить по-английски? Разумеется, о гувернантке мне тоже в двух фразах сказал Иван Иванович.

– Познакомьтесь, – продолжила гувернантка. – Виктория, это Иван Фокс. Иван Фокс, это Виктория.

– Ой, Иван, вы приехали! Я так ждала, даже дни считала! Вы – мой самый любимый спортсмен. Мы будем вместе тренироваться, правда?

– Правда, – подтвердил я. – Уже сегодня. Прямо сейчас. Вижу, ты уже одета.

– У меня форма, как у вас, я долго такую искала, мой размер, но нашла.

– Тогда не будем терять времени. Идём в тренажёрный зал.

Тренажёрный зал располагался в цокольном этаже – или в Замках этажи считают иначе? Сводчатые потолки, колонны, узенькие окна поверху – и ровный дневной свет, свежий воздух, слегка пахнувший хвоей.

Кроме нас, в зале не было никого.

Начали мы, как водится, с определения функционального состояния. Бежали по самоходной дорожке, крутили педали велоэргометра, просто сидели-ходили, а датчики снимали показания – пульс, давление, ЭКГ. Тренировались рядом, бок о бок. Конечно, нагрузки разные, но это понятно и никого не задевает.

После тренажёрного минимума я посмотрел компьютерную распечатку. У Виктории – для её возраста – состояние было вполне приличное. На удивление, у меня тоже было не так уж плохо. Иногда перерыв в тренировках идет на пользу – необъяснимый феномен, встречается редко, и я не питал никаких иллюзий. Одно дело – тест-минимум, другое – индивидуальная гонка в реальных условиях, двадцать километров с четырьмя рубежами. Но проверять себя на длительных тестах я не мог, было важно, чтобы я и Виктория занимались одновременно.

– Как у меня, Иван? – спросила Виктория. Что ж, обращение в просто Ивана можно расценить, как то, что я становлюсь для Вики задушевым другом. А можно иначе.

– Лучше, чем у большинства – и это было правдой. По крайней мере, у Вики отсутствовали лишние килограммы. – Но я вечером подумаю над данными, выберу оптимальный режим на эту неделю. А пока у нас есть немного времени – пойдём, постреляем.

– Из винтовки?

– Для начала из пистолета. Пневматического.

– А я думала, что биатлонисты только из винтовок стреляют.

– Практические биатлонисты стреляют из чего угодно. Лук, арбалет, рогатка, гранатомет – ничего не упустят. Это как играть на рояле: научился на одном, сумеешь и на остальных. Есть, конечно, тонкости, но смысл, я думаю, ты поняла, – поначалу я вместо рояля хотел назвать автомобиль, да передумал. Вдруг – душевная травма. Да и рояль не зря же стоял в башне Виктории. Небольшой, кабинетный.

И мы прошли в тир. Он был неподалеку, уровнем ниже.

Оружейник ждал нас.

Мы – вернее, я – выбрали «клайперы», патриотизм патриотизмом, но нужно же и на результат работать. Понятно, здесь они появились не случайно, пневматические пистолеты, как и другое оружие для тренировок, я заказал ещё в Москве.

– Как мне целиться? – спросила Вика.

– В твоём возрасте нужно учиться стрелять интуитивно. Как ходить, говорить, писать стихи.

– А в армии? Меня Иван Иванович обещал научить стрелять, как в армии.

– В армию приходят в восемнадцать лет. Часто – из-за отсрочек – и позже. И стреляют потихонечку. Экономят патроны. А стрельба – как игра на скрипке. Чем раньше начал, чем больше тренируешься, тем весомее шансы на успех.

– А вы когда начали стрелять?

– Почти в твоём возрасте.

Почти – это минус восемь лет. Виктории Романовой тринадцать с половиною. Мне отец подарил первый пистолет на пятилетие – маленький, почти игрушечный духовой «Диана-вайп». В десять лет я регулярно стрелял из «1377 American Classic», а к двенадцати добрался до полноразмерного огнестрельного оружия, и стрелял, пожалуй, лучше всех в деревне, куда ежегодно ездил на каникулы. Я не хвастаюсь, так оно и было. В детстве дети чрезвычайно пластичны и обучаемы, что скрипке, что гимнастике, что языкам, что стрельбе. Конечно, английский язык можно выучить и в сорок лет, но вероятность, что произношение будет неотличимо от природного британского, близка к нулю.

– Не смотри на прицел, вообще на пистолет. Есть ты и есть цель. Поначалу будет много промахов, это нормально.

Выбрав ростовую мишень (расстояние – десять метров), мы сделали по сто выстрелов. Вика сумела попасть несколько раз.

– Вот что значит возраст, – сказал я. – Люди, обычные студенты обычных институтов, когда им в двадцать с лишним впервые приходится стрелять из пистолета, как правило, не попадаю ни разу. Вся группа стреляет, пять человек, десять, пятнадцать – и никуда. То есть куда-то пуля летит, но не в цель. А у тебя – девять процентов попаданий. Запомни это число. От него будем плясать дальше.

– Запомнила, – серьёзно сказала Вика.

– Сейчас наше занятие кончится – и не кончится. Будешь читать, играть, смотреть телевизор – делай каждые полчаса перерыв, и в перерыве тренируйся. В комнате – бросай стрелки в мишень (я уже видела новенькую «Дартс» в покоях Вики).

– А если не в комнате?

– Тоже бросай, только мысленно. Вообрази, что у тебя в руке стрелка, или снежок – и брось его.

– Руками?

– Воображением.

Армейский инструктор мой метод раскритиковал бы в пух, а пух сжег бы на быстром огне, получив прах. Но Вика – не новобранец, и мы не в армии, где призывник – глина, из которой нужно вылепить солдата, вылепить и обжечь, да чтобы числом поболее, ценою подешевле. Моя задача – чтобы девочка чувствовала себя уверенной.

А в нашей жизни револьвер или пистолет вместе с навыками быстрой, меткой и решительной стрельбы весьма этому способствуют. Уверенности то есть.

Вернув духовые пистолеты оружейнику, мы вышли под голубое небо.

– На сегодня занятия окончены. Завтра будем тренироваться на природе. Сейчас иди к себе, прими душ и отдохни полчаса.

– У меня сейчас чтение. На английском, – добавила Вика, не удержалась.

– Самый полезный отдых для спортсмена.

Я поволил Вику до охранников у лифта, после чего она поднялась в свою башню, а я пошел в предписанный мне покой.

До обеда («В Берлине обедают так поздно, что и не поймешь, обед это, или ужин») времени оставалось немного, я успел только принять душ и привести себя в нерабочее состояние. В смысле – общегражданское. Еще раз – в смысле выглядеть не тренером, не спортсменом, а обыкновенным мужиком, пока молодым, но уже не полным дураком. Хотя... причем здесь возраст? И потом, я здесь на службе, а не на отдыхе, и потому одеваться должен хорошо, но соответственно чину. Вот только бы узнать, эксперт – это много, мало или в самый раз?

Это я узнал во время обеда.

Обед – с большой буквы – проходил в Обеденном Зале, напминавшем трапезную в Сергиеве Посаде. Находилось в нем около сотни человек. Несколько больших, длинных столов вдоль, а поперек – главный, за которым сидит хозяин – когда он в Замке. За этим столом – самые почетные места. И мое место было именно за этим столом, по левую руку от наиглавнейшего места, принадлежащего господину Романову и сегодня пустующему (такой вот этикет). Правда, от пустого места меня отделяли три человека – управляющий, и двое неизвестных. Неизвестными, они, впрочем, оставались недолго. Лично я их прежде не знал, но много слышал о каждом. Первый, Андрей Иванович Соколов, из российских подданных единственный за последние сто лет был удостоен Нобелевской премии по медицине – и отказался её получать. Второй, Петр Аркадьевич Юмашев, доктор физико-математических наук, прославился теорией нелинейного времени: он считал – и приводил в подтверждение математические формулы – что время удлиняется по нарастающей, и сегодняшний день равен неделе пятнадцатого века и году времен фараонов, а вся история жизни на Земле по нынешним часам заняла едва ли более десяти тысяч лет. Его коллеги теорию приняли в штыки, но журналисты любили рассуждать о «времени по Юмашеву». Уже по левую руку от меня сидело еще трое, все – геофизики, доктора наук, один из Франции, другой из Польши и третий наш, из Новосибирска. По правую руку от пустующего места г. Романова сидели тоже семь человек, но из них я знал только двоих, лечащего врача Вики и начальника охраны Замка – тот устроился на самом краю.

За обедом (восемь перемен блюд, пять из них я с сожалением пропустил) вели разговор светский: о погоде, о видах на урожай, о запрете на ввоз в Россию импортного мяса разом отовсюду. На профессиональные темы не говорили, а жаль. Интересно было бы знать, что здесь делает, например, нобелевский лауреат-отказник. К СПИДу, насколько мне известно, его работы не имели никакого отношения, Соколов специализировался на излучениях головного мозга. Научных работ я, естественно, не читал, не по уму мне и не по чину, а в газетах пишут интересно, но неточно. Во всяком случае, в тех газетах, которые попадались мне, обсуждалась преимущественно причина отказа от премии, а о самой работе упоминали вскользь. Правда, всё это происходило в олимпийский сезон, и у меня были иные заботы, нежели Тайна Великого Учёного. Но сейчас, когда впереди нет никаких Олимпиад, а есть только Вика на ближайшие три месяца (буде все стороны останутся довольны, контракт можно и продлить), хотелось бы знать подробности.

Вместо этого я слушал управляющего Замком, которому в отсутствие господина Романова пришлось управлять и застольной беседой. В самом начале обеда он представил меня обществу – «Наш новый специалист, трехкратный олимпийский чемпион Иван Федорович Фокс», а потом вёл разговор за главным столом, рассказывая историю замка и поглядывая на меня, показывая, что мне она и предназначена. Итак, Замок строили немецкие военнопленные по приказу комиссара госбезопасности, сиречь генерала Козленко. Архитектор – германский академик Штирнер, истинный ариец, характер – нордический, то есть если уж взялся строить, то строил основательно, не жалея ни соотечественников, ни русских зэков, ни японцев, которых тоже было изрядно. Не жалея, но напрасно и не тираня: глупо сначала из неумехи сделать строителя, а потом сгубить его ни за грош. У строителя должны быть силы работать, заявлял

Штирнер, и, как ни странно, пайки заключенных были побольше пайков охранников, а любые попытки перераспределения пресекались. По жалобе Штирнера комиссар Козленко внесудебным волевым решением перевел несколько человек из охраны в заключенные. Воровать перестали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.